

Александр Сергеевич Пушкин

Метель

Кони мчатся по буграм,
Топчут снег глубокой...
Вот, в сторонке божий храм
Виден одинокой.
Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Вещий стон гласит печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Воздымая гривы...
Жуковский

В конце 1811 года жил в своём поместье* Ненарадове добрый Гаври́ла Гаври́лович Р**. Он славился гостеприимством и радушием; соседи ездили к нему поесть, попить, поиграть с его женой, Прасковьей Петровной, а некоторые, чтобы поглядеть на дочку их, Марию Гавриловну, стройную, бледную и семнадцатилетнюю девицу. Она считалась богатой невестой. Мария Гавриловна была воспитана на французских романах и была влюблена в бедного армейского прапорщика Владимира, находившегося в отпуске в своей деревне. Молодой человек тоже пылал страстью, но её родители, заметив их влюблённость, запретили дочери о нём и думать.

Любовники переписывались и каждый день виделись в сосновой роще. Там они клялись друг другу в вечной любви и жаловались на судьбу. Они решили: если мы друг без друга дышать не можем, а жестокие родители препятствуют нам, то нельзя ли нам будет обойтись без них? Эта счастливая мысль пришла сначала в голову молодому человеку и понравилась романтическому воображению Марии Гавриловны.

Наступила зима и прекратила их свидания; но переписка продолжалась. Владимир Николаевич в каждом письме просил её венчаться* тайно, скрываться недолго, а потом броситься* к ногам родителей*, которые простят их.

Мария Гавриловна долго сомневалась, но согласилась: в назначенный день она должна была не ужинать, а уйти в свою комнату под предлогом головной боли. Девушка-служанка* её была в заговоре*. Обе они должны были выйти в сад через заднюю дверь, за садом найти сани, садиться в них и ехать в село Жадрино, прямо в церковь, где Владимир должен был их ожидать.

Накануне* Маша не спала всю ночь; она собирала вещи, написала одно длинное письмо своей подруге, другое своим родителям. Она прощалась с ними и извиняла свой поступок* силой страсти и просила в дальнейшем* простить её. Запечатав* оба письма, она уснула. Наконец, она встала с головной болью от снов тяжёлых. Отец и мать заметили её беспокойство, задавали вопросы: что с тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? Эта забота* мучила её сердце.

Она старалась их успокоить. Наступил вечер. Подали ужинать; сердце её сильно забилось. Дрожащим* голосом объявила она, что ей ужинать не хочется, отец и мать её поцеловали и благословили*: она чуть не заплакала. Придя в свою комнату, она кинулась в кресло и заплакала. Через полчаса Маша должна была навсегда оставить родительский дом, свою комнату, тихую свою девическую жизнь... На дворе была метель*, ветер выл; всё казалось ей угрозой. Скоро в доме всё утихло и заснуло. Маша укуталась* шалью, надела тёплый капот*, взяла шкатулку* свою и вышла на заднее крыльцо. Служанка* неслá за ней вещи. Метель не утихала; ветер дул навстрéчу, как будто хотел остановить молодую преступницу*. Они с трудом дошли до конца сада. На дороге их ждали сани*. Кучер* Владимира помог Маше и её девушке - служанке сесть и уложить вещи. Лошади полетели.

Цѣлый день Владѣмир был в разѣздѣ*. Утром был он у священника; с трудом с ним договорился; потом поѣхал искать свидѣтелей. Отставной* сорокалѣтний корнѣт* Дравин, согласился с удовольствіем. После обеда нашли ещё двоих свидѣтелей. Они приняли предложеніе Владѣмира, он обнялъ их и поѣхал домой готовиться.

Ужѣ давно тѣмнело. Он отправил своего надёжного кучера в Ненарадово, а сам один без кучера отправился в Жадрину, куда часа через два должна была приѣхать и Маша. Дорога была ему знакома, а ѣхать всего двадцать минут.

Владѣмир въѣхал в поле, поднялся вѣтер и началась такая метель, что он ничего не видел. В одну минуту дорогу занесло. Владѣмир оказался в поле и напрасно хотѣл снова попасть на дорогу; ему казалось, что ужѣ прошло болѣе получаса, а он не доѣхал ещё. Прошло ещё около десяти минут; метель не утихла. Лошадь начинала уставать.

Наконѣц, он увидѣл, что ѣдет не в ту сторону. Владѣмир остановился: начал думать, и решил поѣхать вправо. Он поѣхал вправо. Ужѣ болѣе часа был он в дороге. Жадрину должно быть недалекó. Но он ѣхал, ѣхал, а поле было без конца. Время шло; Владѣмир начинал сильно беспокоиться.

В сторонѣ что-то стало чернѣть. Владѣмир повернул туда. Он увидѣл рошу.

– Слава богу, – подумал он, – тепѣрь близко.

Он поѣхал около рощи и скоро нашѣл дорогу. Она была хорошая, и Владѣмир успокоился. Но он ѣхал, ѣхал, а Жадрина не было. Владѣмир с ужасом увидѣл, что он заѣхал в незнакомый лес. Он был в отчаянннн*.

Владѣмир въѣхал из лесу. Жадрина не видать. Ужѣ было около полуночи. Слѣзы потекли из глаз его; он поѣхал наудачу. Погода утихла, ночь была довольно ясная. Он увидѣл маленькую деревню из четырёх или пяти домов. Владѣмир поѣхал к ней. У першого дома он подбежал к окну и стал стучаться. Через нѣсколько минут старик вышел и сказал, что до Жадриннн вѣрст* десять. Владѣмир схватил себя за волосы. Он попросил старика дать проводника*.

Пѣли петухи, и было ужѣ светло, когда они доѣхали до Жадриннн. Церковь была закрыта. Владѣмир поѣхал на двор к священнику.

Но посмотрим, что дѣлается у родителей Маши.

Старикнн проснулись и вышли в гостиную. Подали самовар, и Гаврила Гаврилович послал узнать, как здоровье Маши и как она отдыхала. Ему сказали, что ей лучше и что она сейчас придѣт в гостиную. Дверь открылась, и Маша подошла к родителям поздороваться.

– Что твоя голова, Маша? — спросил Гаврила Гаврилович.

– Лучше, папенька, — отвечала Маша.

День прошѣл хорошо, но в ночь Маша заболѣла. Послали в город за лѣкарем*. Он приѣхал к вечеру, Маша бредила*. Бѣдная больная две недели находилась у края грóба*.

Никто в домѣ не знал о побѣге. Письма сожгли. Священник, отставной корнѣт и два свидѣтеля были скромные. Кучер тоже никогда ничего лишнего не говорил. Тайна была сохранѣна. Но Маша сама в бреду высказывала свою тайну. Мать могла понять, что дочь её была очень влюблена во Владѣмира Николаевича и, вероятно, любовь была причиной её болѣзни. Она совѣтовалась со своим мужем, и все решили, что жить не с богатством, а с человеком.

Маша стала выздоравливать. Владѣмира давно не видно было в домѣ Гаврилы Гавриловича. За ним послали и объявили ему о согласи на брак. В отвѣт на их приглашеніе получили они от него полусумасшедшее письмо! Он объявлял им, что нога его не будет никогда в их домѣ, и просил забыть о нём. Через нѣсколько дней узнали они, что Владѣмир уѣхал в армию. Это было в 1812 году.

Долго боялись объявить об этом выздоравливающей Маше. Она никогда не упоминала о Владѣмире. Нѣсколько месяцев спустя, нашли имя его в числѣ отличившихся и тяжело раненных под Бородином. Она упала в обморок, боялись, чтобы болѣзнь её не возвратилась.

Другая печаль её посетила: Гаврила Гаврилович умер и оставил ей всё имение. Но наследство не утешало её. Маша с матерью поехали жить в другое поместье.

Женихи кружились и тут около милой и богатой невесты; но она никому не подавала и малейшей надежды. Владимир уже не существовал: он умер в Москве. Память его была особой для Маши. Она берегла всё, что могло его напомнить: книги, его рисунки, ноты и стихи.

Между тем война с победой была закончена. Полки наши возвращались из-за границы. Народ бежал им навстречу. Офицеры, которые ушли на войну молодыми, возвращались, мужчинами. Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове отечество!

В это время Маша жила с матерью в губернии* и не видела, как обе столицы праздновали возвращение войск. Но появление в деревнях и маленьких городах офицеров было настоящим торжеством.

Несмотря на холодность, Машу по-прежнему окружали женихи. Но все отступили, когда явился раненый полковник Бурмин. Ему было около двадцати шести лет. Он приехал в отпуск в своё поместье, по соседству деревни Маши. Когда он приходил, она оживлялась. Бурмин был очень милый молодой человек. Он имел именно тот ум, который нравится женщинам: ум приличия и наблюдения. Поведение его с Машей было просто и свободно. Но более всего она удивлялась, как до сих пор не видела она его у своих ног и ещё не слышала его признания в любви? Это было для неё загадкой. Подумав хорошо, она решила, что единственной причиною была стеснительность. Она стала больше уделять ему внимания, Её действия имели желаемый успех: Бурмин стал задумчивым, и чёрные глаза его с огнём останавливались на Маше. Мать радовалась, что дочь её нашла себе достойного жениха.

Бурмин нашёл Матью Гавриловну у пруда, под ивою, с книгою в руках и в белом платье. Он объявил, что искал давно случая открыть ей своё сердце, и потребовал одной минуты внимания. Мать Гавриловна закрыла книгу и опустила глаза.

— Я вас люблю, — сказал Бурмин, — я вас люблю страстно... (Мать Гавриловна покраснела и наклонила голову ещё ниже), но —... я женат!

— Я женат, — продолжал Бурмин, — я женат уже четвертый год и не знаю, кто моя жена, и где она, и должен ли свидетелься с нею когда-нибудь!

— Что вы говорите? — воскликнула Мать Гавриловна, — как это странно!

— В начале 1812 года, — сказал Бурмин, — я спешил в Вильну, где находился наш полк.

Приехав однажды на станцию поздно вечером, я велел скорее подавать лошадей, как вдруг поднялась ужасная метель, и мне советовали ждать. Но я не вытерпел и поехал в самую бурю. Буря не утихла; я увидел огонёк и велел ехать туда. Мы приехали в деревню; в деревянной церкви был огонь. Церковь была открыта.

— Сюда! сюда! — закричало несколько голосов. — Выходи же скорее.

Я молча выпрыгнул из саней и вошёл в слабо освещённую церковь. Девушка сидела на лавочке в тёмном углу церкви. Старый священник подошёл ко мне с вопросом:

— Прикажете начинать?

— Начинайте, начинайте, батюшка, — отвечал я рассеянно. Нас обвенчали.

— Поцелуйтесь, — сказали нам. Жена моя обратила ко мне бледное своё лицо. Я хотел было её поцеловать... Она вскрикнула:

— Ай, не он! не он! — и упала без памяти. Свидетели устремили на меня испуганные глаза. Я повернулся и вышел из церкви.

— Бóже мой! — закричала Мать Гавриловна, — и вы не знаете, что стало с бедной вашею женою?

— Не знаю, — отвечал Бурмин — не знаю, как зовут деревню, где я венчался; не помню, с которой станции поехал.

— Бóже мой, бóже мой! — сказала Мать Гавриловна, схватив его руку, — так это были вы! И вы не узнаете меня?

Бурмин побледнел... и бросился к её ногам...